

посещая его квартиру, главным образом по понедельникам, т. е. в дни, когда у него собирались наиболее реакционно настроенные ученики и его знакомые из старой русской интеллигенции.

Поскольку у Сперанского собирался обычно тесный хорошо проверенный круг людей, каждый из присутствующих на собрании у него, в том числе и я, Седельников, открыто высказывали свое враждебное отношение к советскому строю, критиковали политику и мероприятия Советской власти и обсуждали возможность ее гибели.

Последние годы, когда Советская власть стала осуществлять свой пятилетний план, проводить сплошную коллективизацию, ликвидацию кулачества как класса и успешно подготавливать свои советские научные кадры, характер нашей критики Советской власти стал еще более резким. Положение старой русской интеллигенции при Советской власти рассматривалось нами как безнадежное. Мы считали, что в условиях существования советского строя удельный вес старой русской интеллигенции в обществе потерян окончательно, а в связи с этим неоднократно напрашивался вывод о необходимости искать выхода в создании национального фронта для активной борьбы и свержения Советской власти.

...На собраниях у Сперанского все чаще поднимался вопрос об организованной борьбе с Советской властью... В начале 1930 г., точно месяца не помню, на одном из собраний у Сперанского... Дурново Н. Н. подробно информировал нас о своем пребывании за границей и о задачах, с которыми он прибыл из-за границы в СССР... Я периодически присутствовал на совещаниях организации на квартире у Сперанского». Упомянулся М. Н. Сперанский и в обвинительном заключении: «Во главе „Российской национальной партии“ стоял политический центр, из состава которого следствием выявлены: ...7) академик М. Н. Сперанский — монархист, литературовед, проживает в Москве».

Весь собранный на академика «компромат» однако сам по себе не означал неизбежного ареста, следствие заготавливало впрок материалы и на тех людей, которые в дальнейшем вообще не были привлечены к делу. Достаточно сказать, что в числе членов «центра» в обвинительном заключении наряду с М. Н. Сперанским, В. Н. Перетцом, Н. Н. Дурново, Г. А. Ильинским и В. Н. Кораблевым были названы академики В. И. Вернадский, Н. С. Курнаков, Н. С. Державин и М. С. Грушевский, которые не были арестованы ни тогда, ни позже. Впрочем, М. С. Грушевский, очевидно, избежал ареста лишь в связи со скорой смертью, посмертно его объявили главой «контрреволюционного центра», но уже не «российского», а украинского. Трое же других в дальнейшем были в почете и ни к каким «делам» не привлекались³.

Одновременно с обвинительным заключением и приговором 28 марта 1934 г. было оформлено особое «Постановление» в отношении группы лиц, фигурировавших в материалах следствия по делу «Российская национальная партия», но к тому времени не арестованных. В «Постановлении» сказано: «...необходимо дополнительное расследование и уточнение имеющихся материалов, и посему: ... имеющиеся материалы в отношении перечисленных лиц выделить в отдельное производство». В списке из 36 человек под № 2 стоит М. Н. Сперанский.

В отношении большинства из этих людей «отдельного производства», по-видимому, не было. Не менее половины из них избежали репрессий и вообще, по-видимому, не узнали о том, что были в 1934 г. на грани ареста. Помимо упомянутых выше четырех академиков среди них мы видим фамилии еще нескольких известных ученых-гуманитариев: Д. Н. Ушакова, Н. К. Гудзия, Ю. М. Соколова⁴, Г. А. Новицкого, Б. А. Куфтина, М. И. Корнеевой-Петру-

³ Пример бюрократизма НКВД: при снятии судимости в 1944 г. с одного из осужденных по «делу „Российская национальная партия“» (Н. И. Аргасова) в выданной ему справке он назван участником «контрреволюционной организации, руководимой академиком Н. С. Державиным». А в 1944 г. Н. С. Державин находился на вершине славы и карьеры.

⁴ В статье С. Б. Бернштейна сказано о том, что Ю. М. Соколов арестовывался по «делу славистов», но был освобожден по ходатайству М. Горького. В деле об этом нет данных.